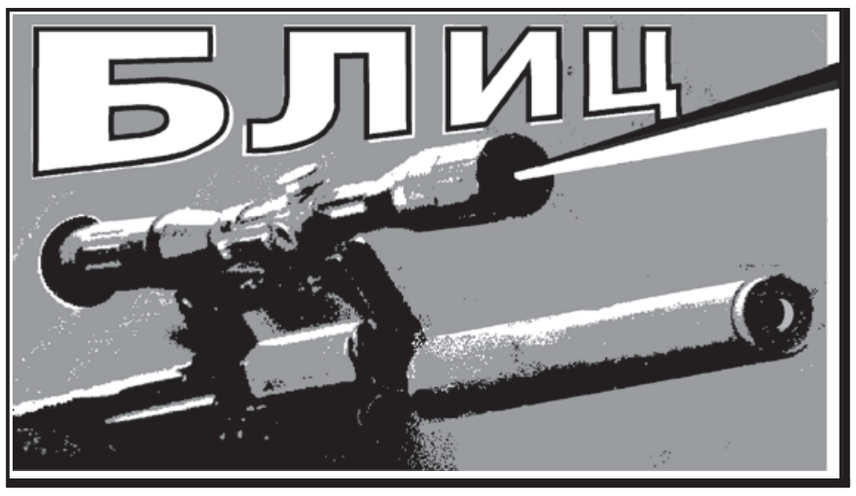

ГАДЫ

14 августа в Сеть была выложена видеозапись "рэп-баттла" двух российских рэперов, Мирона Фёдорова (Оксимирон) и Вячеслава Машнова (Гнойный), которая получила широкий резонанс в обществе и СМИ.

В России рэп давно известен как часть молодёжной культуры. Появился новый рэп — рэп, набитый чудовищным матом, сквернословием и весёлым тотальным нигилизмом. Этот рэп реализуется в новой форме, именуемой "рэп-баттл", то есть сражение рэперов, которые выходят один против другого, как это делают в деревнях частушечники, как делают бойцы без правил, и поливают друг друга весёлой страшной бранью: не без остроумия, остервенело, так, что у обоих вздрагивают семенники.

Они окружены ревущей от восторга толпой, которая тоже заражается их инфернальной энергией. Всё это транслируется в интернет, собирает огромные массы поклонников. 3 миллиона просмотров за день набрала битва рэперов Оксимирона и Гнойного. Великолепное имя — Гнойный, который взял себе этот рэпер: оно свидетельствует о характере этой культуры — культуры гниения и разложения.

Это сочащееся гноем искусство создало молодёжную субкультуру. Причём эта субкультура не поддаётся контролю, к ней не влезешь с телевидением, не влезешь с администрацией президента, которая формировала движения типа "Наши" или "Молодая гвардия".

Это — результат медленного и неуклонного сползания общества после 1991 года в распад. И эта фаза распада не является конечной. Шнур, умница, интеллектуал создаёт свои бесшабашные матерные тексты, дурацкие по своему содержанию, и является с этими текстами на закрытые посиделки наших олигархов. А олигархи, которые вчера вращались в обществе лондонской аристократии, захлёбываясь от восторга, слушают матерные песенки Шнура. Но появление после Шнура двух этих рэперов — Гнойного и Оксимирона — свидетельствует ещё об одной фазе: эта весёлая агрессия, весёлый нигилизм вышел за пределы аристократических корпоративов и вылился на улицу. Сейчас этим искусством начали увлекаться все спальные районы. Это искусство пришло к фанатам на смену их истероидной любви к состязаниям. Явление это загадочное, потому что оно, благодаря интернету, возникло одним ударом и будет расползаться по всей России.

По существу, это почва для терроризма нового типа. Полагают, что террорист — это тот, кто взрывает фугасы в аэропортах, кто стреляет из винтовки из чердачного окна, кто давит грузовиками толпу на барселонских бульварах. Но терроризм, который реализуется в данной субкультуре, не менее страшен. Это — лингвистический терроризм. Матерные слова, частушки — это лингвистические бомбы, которые рэперы взрывают в стихии русского языка. Русский язык — это субстанция, которая превратила нас в русский народ. Это субстанция, которая позволила русским стать носителем высочайших райских смыслов. Это язык Достоевского, Толстого. Есенина, Блока, "Мира искусств", Твардовского. Это язык, который сражался во время войны, делал нас непобедимыми. И вот внутри этого языка рвутся страшные заряды — и язык оседает, как взорванное здание. Мы сталкиваемся с явлением, перед которым бессильна современная официальная культура, бессильна власть, чему свидетельство — заявление министра Мединского, призывающего художников брать пример с этих двух отвратительных рэперов.

Александр ПРОХАНОВ

ЭПИДЕМИЯ

В городе Сиэттле (США) местные власти приняли решение снести памятник Ленину, перевезенный сюда из словацкого города Потрад и установленный в 1995 году

Снос памятников конфедератам и снос памятников Ленину — всё-таки разные вещи. Первое — тенденция, схожая с попытками заменить, скажем, кого-то из белых президентов на долларовых банкнотах на чёрных активисток.

Почему хотят снести Ленина в США — не знаю. Может быть, в Сиэттле есть заметная украинская община, которая и пролоббировала эту идею. Здесь уже идут догадки. В любом случае, это частная инициатива.

Кстати, старт современному сносу памятников дали события в нашей стране. И когда мы возмущаемся действиями тех же поляков, то стоит помнить, что сносить памятники, переименовывать улицы начали в России. Теперь это бумерангом к нам возвращается. Так что, как говорится, неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

Важно то, что сам снос памятников свидетельствует о неадекватности общества. Например, в Европе мирно соседствуют памятники различным деятелям прошлого: в Лондоне есть памятники и Оливеру Кромвелю, и королю Карлу. Это история. Снос памятников всегда говорит о незрелости общества и его элиты.

Когда в стране происходят серьёзные изменения и памятники сносятся в ходе революций или социальных трансформаций — это политическая борьба символов. Но когда в Штатах "замахиваются" на статую Ленина или сносят памятники конфедератам спустя полтора века после окончания гражданской войны в Америке — это уже совсем другое.

И единственная связь, которая мне приходит в голову по поводу сноса памятников, — это некая психическая эпидемия. Вопрос в том, развивается ли она как эксперимент или же это нечто, связанное с изменениями в коллективной психике населения планеты Земля.

Андрей ФУРСОВ

НЕ «АМНЕЗИЯ», А ВОЙНА

"Считаем решение международного управляющего комитета, отвечающего за строительство обновленного музея на месте бывшего нацистского лагеря смерти Собибор, не допускать к участию в проекте Россию вопиющим фактом исторической амнезии", — заявила официальный представитель МИД РФ Мария Захарова.

Заявление вроде бы и резкое, но, как принято говорить в интернете, "ни о чем". Более того, в нём — сознательно или нет — очень серьёзно смещены акценты, которые делают затруднительной правильную реакцию с нашей стороны на сей вопиющий акт.

МИД РФ говорит об "амнезии", но так ли это? Амнезия, как известно, — это болезнь. Можно, конечно, говорить, о том, что в данном контексте речь идет о синониме слова "беспамятство", но, как представляется, и это не совсем верно.

Всё они прекрасно знают и помнят, эти представители Польши, Израиля, Нидерландов и Словакии, что входят в состав пресловутого "управляющего комитета". И их позиция — не просто проявление "неуважения" к России, как правопреемнице СССР, и к памяти тех двухсот пятидесяти тысяч жертв, что погибли в застенках Собибора. Это — акт войны. Пока — войны информационной. Тем важнее правильно понять и оценить, с чем мы имеем дело. Иначе противостояние неизбежно перейдёт в другую фазу.

Польша, как страна, наиболее близкая и наиболее послушная нашему главному противнику (не случайно именно в Варшаве Трамп произнес одну из самых антироссийских своих речей), последовательно и настойчиво раскачивает ситуацию на информационном фронте, верно служа своим заокеанским хозяевам. И скандал вокруг Собибора — только очередное звено в этой цепи.

Достаточно вспомнить недавние поправки к так называемому "закону о декоммунизации" (кстати, обратите внимание: в Польше, Прибалтике и на Украине названия у этих актов одинаковы, словно под копирку, — кто-то сомневается, что и автор у них один и тот же?). Отныне, если кто забыл, мемориалы не должны отдавать "дань памяти лицам, организациям, событиям или датам, символизирующим коммунизм или другой тоталитарный строй".

Формулировка поразительна своей мерзостью, но вовсе не удивительна. Именно этот штамп — "тоталитарный строй" — использовался и используется в идеологической борьбе Запада сначала против Советского Союза, а затем и против его правопреемника — России. Им очень легко оправдать всё что угодно, любой антироссийский и антирусский шаг: "а у них там тоталитарный строй, поэтому всё позволено". Разве что кроме атомной бомбардировки, но только потому, что на неё неотвратимо последует адекватный ответ.

К слову, об адекватном ответе. Удивительно, но если наши Вооруженные силы в полной мере готовы к тому, чтобы дать такой адекватный ответ любым поползновениям, то в сфере идеологической мы откровенно слабы и всё время заняты тем, что оправдываемся.

Взять, опять же, сюжет про памятники нашим солдатам в Польше. Под бульдозер вандалов, по самым скромным оценкам, попадёт около пяти сотен памятников. И как реагируем мы? Министерство обороны России опубликовало на своем сайте ряд уникальных документов. Среди них, например, благодарственное письмо польского генерал-майора Зигмунта Берлинга Иосифу Сталину, уверяющего, что в сердце польского народа вечно будет жить горячая благодарность "великому советскому союзнику, оказавшему нам в тяжёлую минуту реальную помощь".

Возникает только один вопрос: почему это сделано только сейчас? Почему нужно было дождаться, чтобы закон был принят и подписан польским президентом? Почему вообще столько десятилетий это хранилось в тайне? Мы этого стеснялись? Боялись лишний раз напомнить, кому поляки (и не только они) обязаны жизнью и существованием (не говоря уже о территориальных приобретениях)?

То же самое — и с Собибором. Многие ли у нас в стране знают про этот лагерь? Про восстание, которое организовал и возглавил советский офицер Александр Печерский? Про то, что это восстание было единственным успешным, а после побега заключённых лагерь был закрыт и стёрт с лица земли? Уверен, таких — единицы. Единственная художественная лента об этом подвиге увидела свет в конце 80-х годов и была совместным производством Великобритании и Югославии.

Наша пропаганда, увы, в очередной раз опаздывает — вместо того, чтобы работать на опережение. Да у нас её и нет, пропаганды-то. Ведь это якобы "стыдно", "не нужно", и вообще, "пропаганда — это элемент тоталитаризма".

Но неужели было неясно, что конструкция "Сталин не лучше Гитлера, а следовательно, СССР не лучше гитлеровской Германии" и само введение понятия "тоталитаризм", которое позволяет уравнивать эти две страны, является основополагающей в западной стратегии? И это не что иное, как одна из форм русофобии?

Мы до сих пор — в плену иллюзий, что "вот-вот всё рассосётся", "само образуется", "они одумаются". Такая позиция на Украине привела к тому, что фактически разорваны — причём "по-живому", с кровью — отношения братских народов, и к власти в Киеве пришёл профашистский режим.

И никто ни на Украине, ни в Польше, ни на Западе в целом никогда не "одумается". Потому что мы имеем дело не с "помрачением рассудка" и не с "амнезией". А с идеологической войной, итогом которой должно стать полное вымарывание СССР и России из списка победителей во Второй мировой войне. И пока мы этого не поймём и не начнём отвечать ударом на удар, мы в этой войне будем проигравшими.

Алексей РЫЛЕЕВ,
член Бюро Президиума Политического совета партии "Родина"

КИТАЙСКИЙ ПРОРЫВ «РОСАТОМА»

Как заявил вице-президент по проектам Южной Азии "Атомстройэкспорта" (подразделение "Росатома") Андрей Лебедев, китайская сторона намерена привлечь Россию к строительству новой АЭС в провинции Цзянсу, что де-факто означает отказ Пекина от проекта АЭС Хайян, которую вот уже восемь лет не может завершить недавно объявленная банкротом компания "Вестингауз" (США).

Бурное развитие китайской атомной энергетики уже вывело КНР на третье место в мире по производству атомной энергии — после США и Франции. В своём мощном рывке Китай обошёл не только Германию и Японию, которые практически отказались от развития ядерной энергетики после аварии на станции Фукусима, но и опередил достаточно динамично развивающуюся российскую атомную энергетику. Впрочем, технологическое соревнование между США, Францией и Россией в борьбе за китайский рынок может сложиться совсем по-иному — и тут у нашей страны есть все возможности обойти и европейцев, и американцев.

Китайская атомная отрасль стартовала поздно: свой первый экспериментальный энергетический реактор КНР построила только в 1970 году, на 15 лет позже СССР и США, а промышленный реактор запустила и того позже — в 1991-м. Одним из результатов такого отставания от других стран стало то, что Китай в развитии своей атомной энергетики опирался на зарубежный опыт — все 1990-е и 2000-е годы на китайском рынке шло постоянное соперничество американского "Вестингауза", французской компании "Арева" и российского концерна "Росатом", каждый из которых предлагал Китаю свои реакторы в качестве основного варианта построения отрасли.

Ваимодействие "Росатома" и китайских заказчиков всегда осложнялось тем, что Россия настаивала на сохранении большей части цикла производства АЭС на собственной территории, в то время, как Франция и США были готовы к передаче всех технологий, включая и новейшие реакторы "поколения 3+" в китайские руки. По сути дела, именно такой консервативный, но разумный подход "Росатома" привёл к тому, что большая часть китайских станций к 2017 году была построена по переработанному французскому проекту, а в качестве основного реактора будущего поколения 3+ китайцы выбрали изделие американского "Вестингауза" — реактор А-1000. "Росатом" же в качестве "утешительного приза" получил в Китае контракт на постройку четырёх блоков Тяньваньской АЭС.

Но китайский оптимизм в отношении сотрудничества с Францией и США в деле создания собственного реактора "поколения 3+" оказался преждевременным. Как выяснилось, за время вынужденной паузы 1990-х—2000-х годов, когда европейские и американские компании в основном занимались лишь ремонтом и модернизацией атомных станций, но не постройкой новых реакторов, они во многом растеряли ключевые компетенции, необходимые для осуществления столь сложных проектов. Более того, негативное отношение к атомной отрасли, сложившееся в странах Запада, привело к тому, что эволюционное развитие атомных технологий в Европе и США вынуждено застопорилось — почти 20 лет на науку и эксперименты просто не давали денег. В силу этого и переход к новому поколению реакторов — тому самому "3+", который сегодня стал де-факто новым стандартом для постройки реактора, в США и Франции, — осуществляли в авральном порядке, часто принимая вынужденные решения и оставляя в проектах зияющие инженерные "дыры", которые разработчики ожидали закрыть в будущем, опираясь на общий высокий уровень западной технологической культуры.

Однако, как оказалось, создание новых реакторов требует системного подхода, а не "атаки лёгкой кавалерии" на позиции непокорного технологического прогресса. В итоге новые американские реакторы АР-1000 строятся в Китае вот уже с 2009 года, а от постройки европейского реактора EPR-1600 Китай и вовсе отказался — аналогичные реакторы в самой Франции и в Финляндии тоже "застряли" в постройке, да, к тому же, ещё и превзошли проектный бюджет в два раза!

Впрочем, вопрос надёжности и стоимости постройки не обошёл стороной и детище "Вестингауза", реактор АР-1000. В конце 2016 года выяснилось, что основной владелец "Вестингауза", японская компания "Тошиба", не может заткнуть громадные финансовые дыры в балансе своей "дочки". Оказалось, что как и EPR-1600, АР-1000 страдает не только от затягивания сроков строительства, но и от громадного перерасхода бюджета. Данные о финансовых взаимоотношениях Китая с "Вестингаузом" пока что закрыты, но общую ситуацию с АР-1000 наглядно показало произошедшее месяц назад закрытие постройки АЭС "Саммер" в самих США, где также планировали установить АР-1000. Выяснилось, что здесь бюджет уже тоже вырос в полтора раза, и новая АЭС будет просто неконкурентноспособна при такой себестоимости. Судя по всему, именно сейчас решается судьба двух китайских строек "Вестингауза" (4 атомных блока) — и основная интрига состоит в том, смогут ли американцы взять на себя аналогичное увеличение стоимости своих проектов.

Итогом подобного фиаско французов и американцев стало то, что Китай уже хочет привлечь Россию к строительству новой АЭС в провинции Цзянсу, в 20 км от построенной с участием РФ Тяньваньской АЭС. Таким образом, Россия, наконец, вырывается из "тяньваньской резервации" и получает новые широкие возможности на китайском рынке. Такое изменение позиции Китая при устойчивом желании "Росатома" сохранить производство реакторной части станций в России свидетельствует об одном — этот раунд борьбы с США и Францией за китайский рынок Россия выиграла.

Алексей АНПИЛОГОВ

«ДА, СКИФЫ МЫ...»

Председатель наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Юрий Крупнов предложил перенести столицу России за Урал.

Крупнов считает: надо отказаться от мегаполисной урбанизации в пользу малоэтажной ландшафтно-усадебной. Это поможет "заново осваивать … свою собственную землю и будет способствовать … восстановлению демографического роста". Многодетная семья должна получить от государства по собственной родовой усадьбе размером не менее 30 соток, со всей инфраструктурой.

Россию нужно "размосквичить", — считает Крупнов. Нужен глобальный градостроительный проект тысячи новых городов с соответствующей новой инфраструктурой.

Плодотворнейшая идея! Ещё в 2011 году, в связи с расширением Москвы до Калужской области, я писала, что столицу не расширять надо, а — перенести в район Иркутска, возле Байкала. Это сегодня как раз географическая середина нашей территории.

Но главное — показать своему и всем другим народам, какие у нас приоритеты, к чему мы стремимся.

Зачем Пётр перенёс столицу в северное болото? "Грозить шведу"? И это тоже. Но главная идея была — оторваться от заскорузлого древнерусского застойного быта и приблизиться к тем землям, откуда тогда шёл импульс развития, силы, умелости. Тогда точкой роста цивилизации была западная Европа — оттуда шла мощная энергетика. Это был молодой, зубастый Запад — труженик, флибустьер, завоеватель. У него было чему учиться — Пётр учился сам, и людишек своих пинками загонял в учение.

Сегодня Запад — всё ещё умелый, опытный, хитрый, но… пенсионер. Народы Запада вышли на пенсию, они — доживают. Кипение жизни переместилось на Восток — в Корею, Китай. Здесь потно, грязно, неизящно, здесь часто работают без выходных и оплачиваемых отпусков, готовы суетиться за самую малую копеечку.

Не так давно я была на выставке в Гонконге. Азиаты готовы сделать ВСЁ. Длиннее, короче, из другого материала, другого цвета, с твоим логотипом, по твоему техническому заданию и просто по эскизу — ты только скажи. Именно потому, что они такие — Гонконг застроен самыми что ни на есть новомодными небоскрёбами, а Нью-Йорк кажется на его фоне потёртым и устаревшим.

Ничего не попишешь, стареет всё: люди, идеи, народы, целые континенты. XIX век был веком Европы, XX — веком Америки, США, XXI, по многим признакам — будет веком Азии. Нам в этом смысле повезло: мы — запад Востока и восток Запада, континентальная евразийская держава. Любопытно, что ни европейцы, ни азиаты не считают нас своими: для азиатов мы чересчур европейцы, а для европейцев мы, безусловно, азиаты. Кстати, по этому поводу есть хорошее стихотворение Алексея Суркова "Ответ": "Но для нас, людей иного круга, Не был замкнут азиатский круг".

Если мы хотим развиваться — нам надо смотреть в сторону, где бьёт молодая энергия. Где живут пионеры, а не пенсионеры.

Но даже независимо от этих стран — нам надо смещаться в Сибирь: хотя бы для того, чтобы сохранить за собой эту Богом данную территорию. Надо помнить, что незаселённая территория — это terra nullius: ничейная, бесхозная земля, сильно соблазняющая соседей. Единственный способ удержать её за собой — заселять и осваивать. Вот она, национальная идея: "И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею" (Книга Бытие 1:26-31). Говоря светским языком: нужно освоить и благоустроить всю территорию нашей страны.

Надеюсь, никто меня не понял в том смысле, что надо отгородиться от Запада, от Европы. Это и невозможно: мы слишком культурно с нею связаны, знаем их языки, читаем их классиков (которых они сами читают всё меньше).

Любопытно, что политолог С.Белковский недавно предложил такую рокировочку: Петербург — политическая столица, выражающая нашу приверженность европейским ценностям, а Москва и Иркутск — важные экономические центры. Это вовсе не то, что требуется. Столица должна быть одна.

Построить город на новом месте, осуществить наконец давнюю мечту человечества о городе-саде — чем не достойная задача? Переворошить старые проекты наших архитекторов-конструктивистов — вдруг найдётся интересное решение? Тогда ведь много думали о новом типе расселения и много родилось интересных идей. Нужен новый архитектурный и эстетический стиль…

Демограф Крупнов верно говорит: чтобы люди размножались, надо их вернуть на землю, не надо громоздить многоэтажные монстры. Хорошо бы каждой семье дать участок земли: это очень стимулирует заводить детей, да и дети здоровее получаются. Дивные малоэтажные терема под ёлками и кедрами — такой мне видится новая столица. Что-то похожее на Йоханнесбург в давно минувшие времена.

Но такое без плановой мобилизационной экономики — не осуществить.

Татьяна ВОЕВОДИНА

МЁРТВАЯ ЗЫБЬ

Прошедшая неделя ознаменовалась многочисленными терактами в нашей стране и ряде государств Европы, ответственность за которые взяла на себя запрещённая в России организация "Исламское государство".

Несомненно, выражая соболезнование всем погибшим и пострадавшим в результате этих террористических атак, нельзя не отметить одну странную их особенность: они не были направлены на то, чтобы убить или ранить максимальное количество людей. Один взрыв в аэропорту, метро или на массовом мероприятии — и число жертв измерялось бы буквально сотнями. Но нет: то один "шахид" выйдет на улицу с ножом резать прохожих как жертвенных баранов, то другие давят их своими автомобилями. Что, у "воинов Аллаха" в связи с последними неудачами на Ближнем Востоке внезапно закончилась взрывчатка? Понятно же, что дело тут в ином. Лично мне видятся наиболее вероятными два взаимосвязанных между собой варианта. Во-первых, взрывчатка — это всегда "недоработка" спецслужб, обязанных отслеживать подобное "производство". А использование вполне "бытовых", а потому и не просчитываемых ножа или автомобиля — уже нет. То есть организаторы терактов "выводят из-под удара" общественного мнения тех, кто призван с ними бороться? Или, напротив, кураторы попросили этих самых организаторов на время стать "повсеместнее", "понепредсказуемее" и "понеуловимее", чтобы получить возможность "закрутить гайки" в нужном режиме? Или же главари "исламистов" приняли на вооружение стратегию "ползучего террора", чтобы общество постепенно "сварилось" в нём, как лягушка в кастрюле с водой на медленном огне, а не выскочило из кипящего кровавого варева "джихада"?

Если оба эти момента имеют место в реальности, то их взаимодействие на самом деле способно привести к "нормализации" и "легализации" террора, создав "от Лиссабона до Владивостока" своего рода зону "мёртвой зыби" с постоянными "незначительными" и всё менее болезненно переживаемыми общественным сознанием жертвами, а параллельно — с установлением "права на насилие" для приверженцев ИГ. И эту перспективу трудно считать приемлемой — особенно если она будет пересекаться с практикой этноконфессиональных криминальных группировок, как это, судя по всему, недавно случилось в Хабаровске.

Алексей ГОРДЕЕВ

17 августа 2017 года. Теракт в Барселоне